

Березкам в зеленом дыму
Да по тротуарам дощатым,
Что как половицы в доме
Попали под снос огороды,
Что были в своей красоте
Воистину чудом природы
На вечной земной мерзлоте.
Одумайся, автор проекта,
Простор-то какой — погляди!
Жестокую ленту проспекта
От этих домов отведи.
Но мари сдвигая и пяди,
Мы с болью, а все-таки шли
Бульдозерной поступью — ради
Грядущего этой земли.
А вслед на березовых ветках
Беспомощно из темноты,
Бездомные волею века,
Светили глазами коты.

Владимир ГУЗИЙ

ТЫНДА

Синий сумрак плывет над Москвою,
Пахнет жженой листвой и покоем,
А еще — непонятной тоскою
И совсем уж неясно — тайгою.

“Тында” — значит тебя отпускаю
Есть на свете речушка такая,
А над ней — удивительный город,
Не пойму еще сам, чем он дорог.

Не пойму, почему туда тянет,
То нахлынет, то снова отпрянет
Среди гама зеленое эхо :

“Почему ты в столицу уехал ?”

Затихает Арбатская площадь...
Только в Тынде просторней и проще,
Там и люди понятнее,

ближе —

Я любого в отдельности вижу
И о каждом хоть что -нибудь знаю.

Словно к тайне земной припадаю
Звездный пояс повис над Москвою,
Пахнет жженой листвой и покоем.
Я в себе целый город таскаю —
Тында все - таки не отпускает.

ПЛАСТИНКА БРАМСА

Глухою олекминской ночью
Диск черной пластинки закружит,
И словно точильщик наточит
Мою огрубевшую душу.
Сырой, неуютный вагончик
И публика, в общем, простая...
Последняя скрипка закончит —
Опять от начала поставят.
Парням надоели отчаянно
Лихие стихи про дорогу.
Купили пластинку случайную —
Теперь оторваться не могут.
Мелодия эта печальная,
Стекающая из - под иглы,
В пару отразится над чайником,
Заденет чуть - чуть топоры
И скатится в просеку свежую,
Звеня по некрепкому льду,
К последнему следу медвежьему,
Последнему в этом году.
Стоит перспективою мгlistою
Разрезанная тайга,
И плещется музыка чистая
В березовые берега.
И я уже слышу — не слышу,
Прижавшись к холодной стене,
То тише, то громче, то тише,
Во сне и еще не во сне,
Как будто бы снежные люди
Глядят и стучат к нам в окно...
А утром ребята разбудят,
Ругаясь, что снега полно.
Но мне этой новости мало,

Скажу, фантазируя малость :
“ То музыка выход искала,
Наплакалась, да и осталась”.

ПЕРЕПРАВА

Извините задержку,
 товарищ редактор.
Я веду репортаж с переката реки,
А чуть ниже японский
 оранжевый трактор
По протоке протаскивает
 грузовики.
Нас туда же течением
 ласковым сносит.
Нам бы день переждать.
Видно, двинулись зря мы.
А на том берегу
 вышла дикая осень
И всем телом дрожит,
 и поводит ноздрями.
Так и тянет с собою простор
 незнакомый,
И такая свобода на том берегу,
Словно только ступлю —
 все начну по - другому,
А на этом уже никогда не смогу.
Но у нас ничего
 с переправой не вышло.
Мы с шофером плывем,
 окликавая бульдозер.
Голоса наши честные
 издали слышно,
Как стихи, если их прочитать
 на морозе.
Мы обратно на берег
 вернемся не скоро.
Дольше всех кувыркает
 в потоке меня.
Так и рвусь переплыть —
 не осилю напора :
По верховьям дожди
 поливают три дня.

Прижимаюсь к костру.
Размышляю и сохну.
И подходит поближе
согреться земля.
А вдали серебрятся
высокие сопки,
Полыхая внизу, —
словно старт корабля.
Я не знаю, что будет
со мной и любовью,
Но в потоках воды,
в ощущение борьбы,
Словно дождь, напролет
прохожу по верховью
Непутевой своей
и счастливой судьбы.

ВЕСНА НА ВИТИМЕ

Жарит солнце в марте
нежданно жарко.
Превратился зимник
в приток реки.
И весны прозрачная циркулярка
Хмурый лед разделяет в куски.
Но пришла в палатки
залетной сказкой
Телеграмма, сдержанно - горяча :
" Дежкину Сергею.
Люблю. Согласна.
Вылечу пятнадцатого.
Встречай".
И десантник Дежкин
бежит к прорабу :
— За невестой надо
" Урал" послать бы.
До прораба просьба доходит слабо :
—Тут десант. Работа.
Какие свадьбы ?
А в окно врывается
рев пилорамы,
И весенний ветер
с Угрюм - реки
Со стола сметает

отчеты, планы,
Но упрямым начальником :
— Жениться рано.
Здесь работать будут
холостяки.
Да и где вам жить - то ?
— Я дом построю !
— У меня нет леса !
— Я сам срублю !
— Где жене работать ?
— Да я устрою !
— По какому праву ?
— Да я люблю!
И по праву счастья,
по праву власти,
Вся насквозь продумана
и ясна,
Крепкий лед ломая,
идет по трассе
Чистая, сверхплановая
весна !

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

Вот и все. Замкнулось полотно,
И последний выложен портал.
“Золотое” светится звено.
Ты об этом десять лет мечтал.

И когда оркестр громом брызнет.
Ты поймешь, что в ливнях и пыли
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою вовремя нашли.

Нам бывало трудно много раз,
Но теперь спокойно оглянись :
Стройка обошлась бы и без нас,
Нам же без нее не обойтись.

И куда судьба нас ни забросит,
В памяти останется всегда :
В утреннюю свежесть наших просек
Робкие заходят поезда.

Первый поезд начал свой разбег.
Он сюда шел медленно и долго.
На щеках колючий тает снег.
Я не плачу. Это снег. И только. . .

Но когда оркестр громом брызнет,
Я пойму, что в ливнях и пыли,
Лучшую дорогу нашей жизни
Мы с тобою полностью прошли.

ЗВЕЗДНЫЙ - 94

. . . Сколько уж лет световых пролетело.
Но в юность опять возвратится не поздно.
На плиты перрона я прыгаю смело :
— Ну, здравствуй, открытый романтикам
Звездный !

Езжайте с вагоном , пустые печали.
Сейчас не хочу прорываться вперед.

И все так свежо, будто в самом начале :
Сумерки. Май. Дым костра. Ледоход.
Вновь ледяное, искристое крошево
Бьется, всплывает, уходит ко дну.
Но в этой картине так мало хорошего —
Я в ледоходе увидел страну.
Были когда - то сильны и едины,
Хлебом последним делились с друзьями.
Теперь от страны только грохот и льдины
С острыми, режущими краями.
Что натворила злодейка история. . .
Но в сумерках я различаю едва :
Там вот светилась палатка "Эстония",
Рядом - "Армения дальше" - "Литва".
И посредине тягучей распутицы,
Взгляд отрывая от умных страниц,
Мы видели четко грядущие улицы,
Несущие гордо названья столиц.
И все вроде есть, как в палатке мечталось,
И улиц названия ясно видны.
Но только откуда такая усталость ?
Идут поезда. Только нету страны.
Ведь был месяц май на таежном плацдарме.
Поляна у речки была не мала.
Без президентов, таможен и армий
В палатках страна одним делом жила.
И пусть я романтик, отставший, вчерашний,
Не принимающий смутного дня,
Я Звездный люблю — Вавилонскую башню,
Где все двадцать лет понимают меня.
За прошлое вовсе не стыдно, не страшно,
Тому, кто от братства еще не отвык.
Мы строили БАМ, крепче всяческой башни,
И был у народов единый язык.

ТЫНДА - 97

Я шел двадцать лет,
а пришел к бездорожью. . .
Но я не желаю в глубины трясин,
Где время замешано
с кровью и ложью
И звон пустословия невыносим.
Новейшее время
становится древним.

Я прошлым столетьем
внезапно ошпарен :
Я продан с семейством,
я продан с деревней,
И продал меня
промотавшийся барин.
Сегодня не верю
ничьей болтовне,
Не верю указам,
подробным и ловким.
Из тысяч бумаг
вспоминается мне
Простой корешок
комсомольской путевки.
В семидесятых все было
непросто.
Но если б те дни
воротились назад. . .
Из этих шальных, роковых,
девяностых
Я память свою отправляю
в десант.
Как первопроходцам сегодня
досадно.
Не ждали они ни наград,
ни похвал,
Но если тогда уходили
десанты,
Никто от десантов
не умирал.
И , словно гребцы,
налегая на весла,
Мы рвемся вперед,
только смотрим назад.
Мое поколение мальчиков взрослых
Украдкой смигнет
капли света в глазах.
Чтоб так разрушать —
это нужно уменье.
В такой заварухе — особый секрет,
Когда созидающему поколению
Так подло и зло
перебили хребет.
Запомнит нас всех,
но простит нас едва ли
Дорога, которую мы
потеряли.
Так речка, бегущая по захолустью,
Об устье догадываясь едва,
Уже перед морем,

в тревожном предчувствии
Цепляется струями
за острова.
Зачем ей просторище,
шумный и смелый ?
Зачем ей шторма ?
Для чего глубина,
Когда навсегда
и душою , и телом
За лентой приборя
исчезнет она ?
И дорог становится вдруг
каждый камень,
И шепот травы,
и рассвет молодой,
И плесы с задумчивыми рыбаками,
И ветка, склонившаяся над водой. . .
Я знаю, что БАМу
вернут его имя,
И честный навряд ли
забудется труд.
Но мы к тому времени
станем другими.
Ожоги предательства
уж не сойдут.

Виктор ЗАВАДСКИЙ

НАСЫПЬ

пародия

Метафору, как путь окольный,
Где много лишних верст и слов,
Заика, со скамейки школьной
Я ненавидеть был готов.
. . . Представилось :
единый ход работ
Вершится в Тынде,
Звездном и в Ургале,
И в Магистральном.
И в других местах
По трассе
всей великой магистрали —
Все сразу.
И во весь размах.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ